

С. А. Курочкин,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса
Уральской государственной юридической академии
(г. Екатеринбург, Российская Федерация)

УДК 347.9/347.925

КОНТРАКТУАЛИЗАЦИЯ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Посвящена исследованию проявлений контрактализации в современном гражданском процессе. Рассмотрены вопросы о месте и роли соглашений частных лиц в публичном процессе, их системная природа. На этой основе предложены выводы о целесообразности увеличения доли частных соглашений в регулировании гражданского процесса.

Ключевые слова: гражданский процесс, система, соглашение, контрактализация.

В ходе модернизации процессуального законодательства стран СНГ были серьезно расширены возможности для участников процессуальных отношений самостоятельно решать вопрос о заключении соглашений по поводу процесса. Так, сегодня стороны могут урегулировать спор, заключив мировое соглашение или используя другие примирительные процедуры. По любому делу на любой стадии процесса и при исполнении судебного акта сторонами может быть заключено мировое соглашение, если иное прямо не предусмотрено федеральным законом. Свобода усмотрения сторон при заключении мирового соглашения ограничивается лишь необходимостью соблюдения прав и законных интересов других лиц и соответствия его условий требованиям действующего законодательства.

Стороны своим соглашением могут передать спор на рассмотрение третейского суда (ст. 17 Гражданского процессуального кодекса Украины, ст. 12 Хозяйственного процессуального кодекса Украины). Реализация всех этих норм осуществляется на основе координации интересов сторон в деле выбора способов и форм защиты принадлежащих им прав в условиях их юридического равенства. Начала координации позволяют участвующим в деле лицам решать вопрос о распределении судебных расходов (ч. 2 ст. 89 ГПК Украины). В отношениях, осложненных иностранным элементом, участники обладают правом выбора суда, компетентного рассматривать споры. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 4 Соглашения стран СНГ от 20 марта 1992 г. «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» (Киевское соглашение), компетентные суды государств-участников СНГ обладают правом рассмотрения дел, вытекающих из договорных и иных гражданско-правовых отношений между хозяйствующими субъектами, помимо общих правил о международной подсудности и в целом ряде случаев, если об этом имеется письменное соглашение сторон о передаче спора этому суду. Этот далеко не полный перечень можно продолжить. Вместе с тем, свобода подобных соглашений ограничивается публичным началом. Так, соглашение об отказе от права на обращение в хозяйственный суд является недействительным (ст. 1 ХПК Украины).

Законодательное расширение спектра подобных возможностей — это отражение тенденции увеличения доли частноправовых начал в системе гражданского процесса.

© Курочкин С. А., 2012

Процессуальный эффект всех упомянутых соглашений основан на признании за ними свойств юридических фактов, с которыми законодательство связывает возникновение, изменение или прекращение процессуальных правоотношений. С некоторой долей условности сегодня в украинском гражданском (хозяйственном) процессе можно проследить проявление общемировой тенденции контрактualизации.

Потенциал этого явления в системе социального управления довольно высоко оценивается в доктрине. В правовой сфере контрактualизация как явление получила развитие в международном торговом обороте. Так, по оценке Н. Г. Вилковой, контрактualизация состоит в регулировании хозяйствующими субъектами на основе предоставляемой им правом свободы договора своих отношений в максимальной степени предписаниями заключаемого ими контракта [1, с. 251]. С этой точки зрения контрактualизация в гражданском процессе может быть охарактеризована как регулирование участниками процесса отношений, возникающих в связи с производством по делу в суде, на основе предоставленной им законодательством свободы процессуальных соглашений в значительной мере условиями заключаемого ими соглашения. Безусловно, контрактualизация в гражданском процессе никогда не станет абсолютной. Как отмечает В. Г. Вельяминов, контрактualизация в идеале понимается как полное автономное регулирование правоотношений «контрактом без права» (*self-contained contract*, «*lawless contract*») [2, с. 289]. Конечно, ни одно государство не станет передавать участникам гражданского оборота полное автономное регулирование процессуальных отношений с участием государственного суда «контрактом без права», признавать за соглашением «силу самодостаточного источника права для отношений между сторонами». Правосудие по гражданским делам не должно стать диспозитивным полностью, законодатель и правоприменитель могут лишь расширить действие частных, диспозитивных начал там, где это целесообразно, эффективно по целому ряду показателей, а потому необходимо для дальнейшего совершенствования порядка рассмотрения и разрешения гражданских дел. По этим причинам пределы контрактualизации в гражданском процессе заданы публичным порядком, потребностью общества в справедливой судебной процедуре. С другой стороны, практика международного коммерческого арбитража свидетельствует о возможности (но не эффективности) его полной делегации, рассмотрении спора исключительно на основе соглашения сторон.

Вместе с тем, критически анализируя процессы контрактualизации, В. Г. Вельяминов справедливо указывает, что ее апологетика абстрагируется от двух исключительно важных обстоятельств:

1) *во-первых*, автономия воли, свобода договора, торжествующие в современном обязательственном праве, очень далеки от столь же широкого принципиального подхода в сфере регулирования прав собственности, не говоря о публично-правовом регламентировании в основном всей, включая торговую, социальной структуры общества. Не может быть полной победы индивидуалистической концепции автономии воли в «отдельно взятом» секторе, в договорном праве, внутри всей правовой системы, сохраняющей достаточно жесткие ограничения такой автономии в других секторах системы;

2) *во-вторых*, нельзя абстрагироваться от того, что «контракт без права» не может быть контрактом без контроля и защиты власти. Власть остается главным оплотом стабильности всей системы правоотношений в любом обществе [подр. 2, с. 291].

Указанные В. Г. Вельяминовым обстоятельства — это «инфраструктурные ограничения» для контрактualизации в правовой системе, основанные на требованиях публичного порядка. Автономия воли, свобода процессуальных соглашений, отсутствие контроля распорядительных действий сторон — все эти начала частного права, будучи абсолютизированными, не позволят обеспечить участникам процесса гарантированное ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года право на справедливое судебное разбирательство.

Сбалансированная контрактualизация, на наш взгляд, является одним из наиболее перспективных направлений развития гражданского процесса и заслуживает самого пристального внимания законодателя. Неслучайно в зарубежной литературе все чаще встречаются мнения о том, что «попутный ветер сопутствует сегодня контрактualизации!» [3, с. 126]. Именно с ее помощью может быть реализовано правовыми средствами увеличение доли частноправовых начал в гражданском процессе, обусловленное объективной необходимостью повышения эффективности, укрепления саморегулирования в системе гражданской юрисдикции. Эта роль контрактualизации была отмечена и французским ученым Л. Кадье, по оценке которого после возникновения спора использование договора происходит в рамках самого судебного института как инструмент управления судебным разбирательством [4, с. 168]. Контрактualизация покоится на смещенных или метафорических понятиях договора, поскольку в действительности она состоит, прежде всего, в использовании определенной процедуры разработки норм, правил и решений договорного типа, в использовании феноменов участия заинтересованных сторон как в форме простого присоединения, так и в форме настоящих переговоров [4, с. 182]. В этом, как представляется, проявляется инструментальная сторона контрактualизации. Ее внедрение потребует закрепления в процессуальном законе не только основанной на принципе диспозитивности процедуры разработки и принятия заинтересованными сторонами правил договорного типа, но также и правовых последствий реализации таких правил, признания за действиями сторон свойств процессуальных юридических фактов.

Окажется ли востребованной контрактualизация украинским гражданским процессом? Будет ли позитивным социальный эффект от ее внедрения в системе гражданской юрисдикции? Ответы на эти вопросы может дать исследование соглашений, заключаемых в связи с производством по делу в суде. Уместным здесь также будет привести позицию ведущих зарубежных правоведов. Так, по оценке Л. Кадье в сфере правосудия контрактualизация может быть благом, если она вносит гибкость в отправление правосудия и в ход судебных процедур, одновременно служа целям демократизации правосудия и избегая того, чтобы стать инструментом разложения публичной службы правосудия и приватизации государственной функции. Проблема заключается в пределах контрактualизации ... Контрактualизация представляется нам оправданной в сфере материального разрешения спора, а также в области управления судопроизводством и судебными процедурами. Содействовать контрактualизации правосудия на вышеуказанных условиях означает просто способствовать облегчению принятия обществом судебной деятельности, т.е. способствовать укреплению социальной связи [4, с. 183]. Полагаем, что эти выводы могут послужить ориентиром для сторонников чрезмерно широкого внедрения договорных начал в гражданское судопроизводство, абсолютизирующих роль соглашений в регулировании процессуальных соглашений.

Значение соглашений по поводу процесса определяется их ролью в обеспечении стабильности системы гражданского судопроизводства в изменяющихся условиях, ее устойчивости к воздействиям. Соглашения — это инструмент, обеспечивающий саморегулирование в системе. В качестве одного из таких внутрисистемных регуляторов соглашения обеспечивают адаптацию общего порядка рассмотрения и разрешения гражданского дела в суде к материально-правовым отношениям сторон, становятся способом реализации полезных влияний внешней среды. По общему правилу распоряжение процессуальными правами происходит по инициативе участника спорных материальных правоотношений в пределах предоставленных ему диспозитивных полномочий. Вместе с тем, при определенных условиях реализация диспозитивности одного лица ставится в зависимость от усмотрения других субъектов права. В таком случае принято говорить о диспозитивном ограничении диспозитивности [5, с. 69]. Соглашения по поводу процесса — это

одна из возможных форм ограничения диспозитивности одного лица усмотрением другого, равного ему в системе процессуальных правоотношений.

Целью заключения соглашений является упорядочение процессуальных правоотношений в ходе рассмотрения и разрешения дела судом на основе частных интересов субъектов, выражающееся в совершении ими совместно либо в отказе от совершения действий, с которыми процессуальный закон связывает наступление правовых последствий. В этом смысле соглашения по поводу процесса — это инструмент самоорганизации системы гражданского судопроизводства.

Конечно, только этими обстоятельствами системное значение соглашений в процессе не исчерпывается. Д. Х. Валеев справедливо отмечает, что договор — одно из связующих звеньев в системе частного материального и процессуального права [6, с. 65]. В процессуальной сфере именно договор показывает взаимопроникновение материального и процессуального права, поскольку в одних случаях гражданско-правовой договор находит свое применение в гражданском и арбитражном процессе, а в других случаях процессуальный договор подчиняется также некоторым общим требованиям гражданского законодательства о структуре договора, порядке заключения и др. [6, с. 66]. Заметим, что выраженная Д. Х. Валеевым позиция — это еще и новый взгляд на проблему связи гражданских процессуальных и материальных правоотношений.

В условиях реформирования гражданского законодательства система гражданского процесса должна обеспечивать адекватное количество возможных вариантов действий, запрос на которые может сформировать система общественных отношений частноправовой сферы. И дифференциация судебных процедур — это не единственный способ достижения указанной цели. По нашей оценке, в гражданском судопроизводстве, построенном на принципе абсолютного доминирования суда как единственного управляющего субъекта, будет достигнуто критическое по характеру упрощение объекта управления, которое лишит процессуальную систему эффективности. Этим обстоятельством обусловлена необходимость развития в судопроизводстве горизонтальных связей между субъектами, расширения начал децентрализации. Соглашения по поводу процесса оформляют системные горизонтальные связи между субъектами, позволяют преодолеть искусственное упрощение объекта управления, адаптировать общий модельный порядок разрешения юридического дела к конкретному случаю. Контрактуализация, как децентрализация управления предполагает передачу сторонам права на решение вопросов, которые по общему правилу подлежат разрешению судом. Как справедливо указывает А. А. Павлушина, создание сторонами договора правил своих будущих отношений, доверенное им законом, немногим отличается от делегированного нормотворчества вообще. Единственным существенно отличающим такую ситуацию признаком является «индивидуальный» характер создаваемого правила. Признак санкционированности, делегированности принятия нормы, бесспорно, проявляет себя в ситуации самостоятельного урегулирования сторонами договора своих отношений, такое действие доверено им государством в отведенных диспозитивной нормой границах [7, с. 214].

Одним из способов реализации рассматриваемых возможностей является свободное заключение сторонами соглашений, связанных с процессом, и дальнейшее признание судом за такими соглашениями свойств юридических фактов, с которыми процессуальный закон связывает наступление тех или иных правовых последствий. Именно оценка соглашений органом управления определяет их место в механизме социального регулирования. Так, например, в Российской Федерации арбитражный суд оставляет исковое заявление без рассмотрения, если после его принятия к производству установит, что имеется соглашение сторон о рассмотрении данного спора третейским судом, если любая из сторон не позднее дня представления своего первого заявления по существу спора в арбитражном суде первой инстанции заявит по этому основанию возражение в отношении рассмотрения дела в арбитражном

суде, за исключением случаев, если арбитражный суд установит, что это соглашение недействительно, утратило силу или не может быть исполнено (ч. 1 ст. 148 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации). В Украине в случаях, если условия мирового соглашения противоречат закону или нарушают права, свободы и интересы других лиц, суд принимает постановление об отказе в признании мирового соглашения и продолжает судебное разбирательство (ч. 5 ст. 175 Гражданского процессуального кодекса Украины, ГПК Украины). За редким исключением соглашения играют в системе социального управления роль условий, не являясь управленческими актами.

Важная функция соглашений в системе управления — это также и создание с их помощью правил поведения, в некотором смысле норм права. Как отмечает А. А. Павлушина, право состоит не только из общего и всеобщего регулирования, но и из регулирования специального, индивидуального. Правовыми, т.е. входящими, включенными в систему права должны считаться все названные правила. Правотворчество может быть государственным, делегированным государственным органам, делегированным коллективным или индивидуальным субъектам, субъектам частного права [7, с. 213]. Соглашения в системе управления — это один из механизмов реализации начал децентрализации.

Заметим, что ориентированные исключительно на решение задач судопроизводства соглашения так и остались бы невостребованными. По оценке С. Ю. Филипповой, главное полезное качество, ради которого договор и востребован субъектами, — это возможность посредством договора организовать правовые цели субъектов и выработать план достижения правовых целей сторон договора в процессе их согласованной деятельности [8, с. 90]. Полагаем, что и применительно к гражданскому процессу рассматриваемое качество также является актуальным. Соглашения предоставляют участникам производства по делу возможность организовать правовые цели и согласовать план достижения правовых целей сторон в процессе их деятельности. Соглашения об изменении подведомственности (ст. 17 ГПК Украины, ст. 12 Хозяйственного процессуального кодекса Украины, ХПК Украины) или подсудности (ст. 112 ГПК Украины) — лучшая тому иллюстрация.

В какой мере частные соглашения являются допустимыми в публичном по характеру гражданском процессе? Изучение этой проблемы в Российской Федерации было предпринято М. А. Рожковой, автором «теории процессуального договора и сделки, направленной на защиту прав», исходным пунктом в построении которой стал принцип диспозитивности. Возможность сторон процесса заключать процессуальные договоры в первую очередь, по ее мнению, обусловлена характерной для отечественного процесса формальной диспозитивностью. Под принципом диспозитивности процессуального права М. А. Рожкова понимает правило, согласно которому стороны процесса вправе по собственному усмотрению осуществлять действия, оказывающие влияние на движение (и развитие) судебного процесса. И поскольку процессуальные договоры призваны воздействовать на движение судебного процесса, по ее мнению, можно говорить о том, что вообще *допустимость их вытекает из принципа диспозитивности* гражданского и арбитражного процессуального права [9, с. 188].

Исследование действующего процессуального законодательства позволило М. А. Рожковой сделать ряд выводов, касающихся «процессуальных договоров» [подр. 9, с. 192–193], многие из которых нуждаются, на наш взгляд, в некоторой корректировке. Так, требует переосмысления тезис о том, что «процессуальный договор может быть заключен с момента возбуждения производства по делу до момента окончания рассмотрения дела, т. е. в период реально ведущегося производства по делу». Так, например, мировое соглашение может заключаться после рассмотрения дела по существу в рамках проводимых вышестоящими судами проверок, а также на стадии исполнения судебного постановления, т.е. по завершении производства по делу в суде первой инстанции. Целый ряд соглашений,

рассматриваемых судами как процессуальные, заключаются до возникновения процесса как такового — соглашения об изменении подведомственности, подсудности. Все они являются действительными, но не имеют смысла без гражданского процесса. По этой причине полагаем, что уместнее ставить вопрос не о процессуальных соглашениях, а о *соглашениях, связанных с процессом*.

Многие соглашения, хотя и «нацелены на оказание воздействия на движение судебного процесса», оказывают самое непосредственное влияние на динамику материальных правоотношений спорящих сторон. Так, например, заключенное с уступками мировое соглашение — это еще и новация основного материального правоотношения. Материально-правовые элементы содержат соглашение о подведомственности и подведомственности, соглашения по обстоятельствам дела и некоторые другие. Оценка таких соглашений без учета материальной правосубъектности может оказаться неполной. Кроме того, как известно, процессуальная правосубъектность в значительной мере производна от материально-правовой. Нельзя согласиться и с тем, что «процессуальные договоры не допускают как изменения или расторжения по воле сторон, так и признания их недействительными по основаниям, предусмотренным гражданским законодательством». Изменение и расторжение по взаимному согласию допустимы до тех пор, пока соглашение не было исполнено и не стало фактом в рамках процессуального состава, не легло в основу совершенного судом процессуального действия. После этого соглашение в значительной мере утрачивает самостоятельное значение.

Далеко не однозначным является и тезис о том, что «всякий процессуальный договор нацелен на то, чтобы способствовать осуществлению задач судопроизводства — правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданских дел, укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду». Решение этих задач осуществляется в публичных интересах. Соглашения по поводу процесса заключаются сторонами в их собственных, частных интересах. Именно удовлетворение частных интересов — это цель изменения общего порядка реализации права на защиту, порядка производства по делу, цель заключения соглашений. Оценка заключенных соглашений с позиции их роли в решении указанных задач осуществляется законодателем и судом. Именно поэтому основным ориентиром при решении вопроса о допустимости тех или иных соглашений, связанных с процессом, становится их нормативное закрепление. Суд сопоставляет совершенные сторонами действия с гипотезой процессуальной нормы, выявляет их свойства как юридических фактов, с которыми процессуальный закон связывает наступление тех или иных правовых последствий. По этой причине нуждается в корректировке упомянутая выше позиция М. А. Рожковой о том, что «процессуальный договор может допускаться по смыслу диспозитивных процессуальных норм и, не будучи предусмотренным или допускаемым законом, заключаться сторонами при условии его непротиворечия императивным предписаниям права». Без указания в законе на последствия заключения соглашений они не приобретают процессуального значения, оставаясь в сфере материального права. Обособление процессуальных действий происходит за счет признания за ними особого характера, нормативного регулирования порядка их совершения, закрепления для них особой процессуальной формы. Система гражданского процесса допускает совместную реализацию управляемыми субъектами функции выбора из нескольких возможных вариантов процессуальных действий только в случаях, прямо указанных в законе.

Насколько традиционная письменная форма соглашений важна для их действия? М. А. Рожкова полагает, что действующее процессуальное законодательство, предусматривающее односторонние действия сторон, прямо устанавливает и возможность совершения действия, являющегося результатом совместной воли спорящих сторон, т. е. закрепляет допустимость процессуального договора, оформляемого совместным заявлением, ходатайством, протоколом [9,

с. 190]. Становятся ли такие действия соглашениями? Соглашения по поводу процесса — это одна из возможных форм ограничения диспозитивности одного лица усмотрением другого. Другой такой самостоятельной формой, на наш взгляд, является требуемое процессуальным законом двустороннее проявление воли на совершение процессуальных действий, оформляемое совместным заявлением, ходатайством в процессе. Совершение процессуальных действий, являющихся результатом обоюдной воли спорящих сторон в форме совместного заявления, ходатайства (например, совместные заявления об условиях мирового соглашения — абз. 1 ст. 78 ХПК Украины), — это не процессуальный договор, а разновидность процессуальных действий.

Несмотря на высказанные критические замечания, считаем возможным согласиться с М. А. Рожковой в том, что весьма скромный перечень общепризнанных на сегодня процессуальных договоров может быть существенно расширен за счет договоров, в законе прямо не поименованных [9, с. 192], и ориентиром в этом может стать опыт таких стран как Франция и ФРГ. В Германии стороны вправе заключить любой процессуальный договор (не только в случаях, предусмотренных законом), предметом которого является любое процессуальное действие или воздержание от действия [подр. 10, с. 31]. Во Франции законодательство также допускает заключение большого числа соглашений относительно процесса. К их числу Л. Кадые относит договоры, касающиеся будущего спора, и соглашения, касающиеся возникшего спора [подр. 4, с. 167–183]. К договорам, касающимся будущего спора, в свою очередь, отнесены:

1) соглашения, направленные на то, чтобы избежать судебного разбирательства, в том числе:

а) предупреждение судебного разбирательства посредством вынесения третейского решения;

б) предупреждение судебного разбирательства путем проведения переговоров; также

2) соглашения, направленные на то, чтобы урегулировать судебное разбирательство, в том числе:

а) оговорки, касающиеся предъявления иска;

б) оговорки, касающиеся судебного рассмотрения дела.

Соглашения, касающиеся возникшего спора, включают:

1) соглашения, касающиеся судебного разбирательства (в том числе соглашения, касающиеся возбуждения дела в суде, и соглашения о ходе судебного разбирательства);

2) соглашения, касающиеся судьи (касающиеся его компетенции, обязанностей).

Конечно, далеко не все из них будут восприняты как в Украине, так и в России.

В заключение отметим, что соглашения по поводу процесса — это предусмотренная процессуальным законодательством форма совместного осуществления участвующими в деле лицами функции выбора альтернативных вариантов процессуальных действий, нацеленная на изменение общего порядка реализации права на защиту. Сбалансированная контрактualизация, проявляющаяся через увеличение роли соглашений для регулирования процессуальных правоотношений, — это одно из наиболее перспективных направлений развития гражданского процесса.

Список использованных источников

1. Вилкова, Н. Г. Договорное право в международном обороте [Текст] / Н. Г. Вилкова. — М. : Статут, 2005. — 511 с.
2. Вельяминов, Г. М. Международное экономическое право и процесс [Текст] : [учебн.] / Г. М. Вельяминов. — М. : Волтерс Клувер, 2004. — 496 с.

3. Цивилистические правовые традиции под вопросом (по поводу докладов *Doing Business* Всемирного банка) [Текст] / Франсуа Барьер и др. [пер с фр. А. Грядов]. — М. : Волтерс Клувер, 2007. — Т. 1. — 184 с.
4. *Кадье, Л.* Соглашения относительно процесса во французском праве (о контрактualизации разрешения споров) [Текст] / Л. Кадье // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. № 6. 2007 / под ред. В. В. Яркова. — СПб. : Юридическая книга, 2008. — С. 167–183.
5. *Красавчиков, О. А.* Диспозитивность в гражданско-правовом регулировании [Текст] / О. А. Красавчиков // Красавчиков, О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды : [в 2-х т.]. — М. : Статут, 2005. — Т. 1 / Красавчиков О. А. ; науч. ред. : Ем В. С. — С. 57–70.
6. *Валеев, Д. Х.* Договор в отраслях цивилистического процесса: приглашение к дискуссии [Текст] / Д. Х. Валеев // Правоведение. — 2007. — № 6. — С. 64–75.
7. *Павлушина, А. А.* Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития [Текст] / А. А. Павлушина. — Самара : Самар. гос. эк. акад., 2005. — 478 с.
8. *Филиппова, С. Ю.* Частноправовые средства организации и достижения правовых целей [Текст] / С. Ю. Филиппова. — М. : Статут, 2011. — 320 с.
9. *Рожкова, М. А.* Теория процессуального договора и сделки, направленные на защиту прав [Текст] / М. А. Рожкова // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. № 6. 2007 / под ред. В. В. Яркова. — СПб. : Юридическая книга, 2008. — С. 184–208.
10. *Брановицкий, К. Л.* Процессуальный договор в доктрине гражданского процесса ФРГ [Текст] / К. Л. Брановицкий // Арбитражный и гражданский процесс. — 2010. — № 12. — С. 30–32.

Надійшла до редакції 12.07.2012

Курочкін С. А. Контрактualизація як перспективний напрямок розвитку цивільного процесу

Присвячена дослідженню проявів контрактualизації в сучасному цивільному процесі. Розглянуто питання про місце і роль угод приватних осіб у публічному процесі, їх системна природа. На цій основі запропоновано висновки про доцільність збільшення частки приватних угод у регулюванні цивільного процесу.

Ключові слова: цивільний процес, система, угода, контрактualизація.

Kurochkin, S. A. Contractualization: A Future Trend of Civil Procedure Evolution

An article is a research of contractualization tendency at contemporary civil procedure. Some issues of private agreements place and role in public legal procedure, their system nature are considered. On this basis the author offers some conclusions about expedient increase of private agreements part in civil procedure legal regulation.

Keywords: civil procedure, system, agreement, contractualization.

